

*Л.Г. Скворцова***Основные вопросы ведения персонального учета потерь на фронтах Великой Отечественной войны***L.G. Skvortsova***The Main Problems of Personnel Record of Fatal Casualties during the Great Patriotic War**

Рассматриваются вопросы ведения персонального учета потерь в годы Великой Отечественной войны. Проводится анализ основных приказов и документов, принятых народным комиссаром обороны СССР и Государственным комитетом обороны СССР, направленных на регулирование учета погибших в ходе военных операций.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, Красная армия, Государственный комитет обороны СССР, военнослужащие, красноармейская книжка, потери, боевые потери, персональный учет потерь.

Великая Отечественная война воспринимается нашим народом как страшная трагедия и великий подвиг одновременно. Исследуя тему о громадных потерях Красной армии, нельзя не затронуть вопроса о ведении персонального учета потерь на фронтах Великой Отечественной войны.

В первые месяцы войны, когда потери нашей армии были наибольшими за все годы военных действий, учет потерь осуществлялся недостаточно хорошо. Применявшаяся в мирное время система учета во время войны оказалась непригодной. Наставлений и руководств по учету в военное время подготовлено не было. И обращение к приказам по вопросам учета потерь проливает дополнительный свет на одну из причин того, что спустя более полувека после окончания войны не удается установить не только персональный, но и точный общий состав людских потерь, которые понес Советский Союз в ходе военных действий 1941–1945 гг.

В своей работе мы на основе документов провели анализ постановки вопроса персонального учета погибших на поле боя. Приказом №171 Народного комиссариата обороны (НКО) СССР от 20 июня 1940 г. была введена форма «Служебной книжки для рядового и младшего начальствующего состава Красной армии» [1, с. 393]. Это был документ военнослужащего срочной и сверхсрочной службы, который не только удостоверял его личность, но и показывал его продвижение по службе. При выходе воинской части в район военных действий служебную книжку необходимо было сдавать через командира в штаб, а взамен нее выдавался медальон с краткими сведениями о военнослужащем. Личные спецмедальоны

The research considers problems of drawing up casualty list during the years of the Great Patriotic War. It presents the analysis of the main orders and documents adopted by the Peoples' Commissar of Defense of the USSR and the State Defense Committee of the USSR aimed at regulation of the record of the war casualties.

Key words: Great Patriotic War, USSR, Red Army, State Defense Committee of the USSR, servicemen, Red Army soldier's book, casualties, personal record of casualties.

были отменены только 17 октября 1942 г. по указанию И.В. Сталина [2, с. 28–31].

За несколько месяцев до начала войны, а точнее, 15 марта 1941 г. был издан приказ наркома обороны №138 о введении в действие Положения о персональном учете и погребении личного состава Красной армии в военное время [1, с. 258–281]. В нем излагались общие правила захоронения погибших в боях военнослужащих и отдания им воинских почестей. Вместе с тем в приказе не был определен порядок захоронения офицеров, убитых на поле боя и умерших в лечебных учреждениях. Данным приказом для всех военнослужащих предусматривалось введение личного медальона. В него солдаты и офицеры должны были заносить основные сведения о себе. Отсюда следует, что согласно данному документу рядовой и сержантский состав на начало войны не имел красноармейских книжек, в результате чего вести учет потерь в военных действиях становилось затруднительно.

С началом войны потери Вооруженных сил Советского Союза начинают быстро увеличиваться. С июня по декабрь 1941 г. Красная армия и Военно-морской флот потеряли убитыми, умершими от ран, оказавшимися в плену и пропавшими без вести 3138 тыс. чел., ранеными, контуженными, заболевшими 1336 тыс. чел. [3, с. 167]. Кроме того, в первые недели войны, когда в стране проводилась всеобщая мобилизация, большая часть граждан, призванных военкоматами Белоруссии, Украины, прибалтийских республик, была захвачена противником в пути следования, т.е. еще до того, как они стали солдатами, поэтому в учетные документы фронтов (армий) они не попали. По справке Мобилизационного управления Генераль-

ного штаба, разработанной в июне 1942 г., число военнообязанных, которые были захвачены противником, составило более 500 тыс. чел. [4, с. 338–339].

Одним из первых документов, регулирующих учет погибших в ходе военных операций, был приказ №0296 от 16 августа 1941 г. «Об упорядочении учета и отчетности о численном и боевом составе и потерях личного состава в действующей армии и военных округах», подписанный заместителем народного комиссара обороны СССР армейским комиссаром первого ранга Е. Щаденко [5, л. 365]. Данный документ предписывал организовать учет личного состава таким образом, чтобы он отражал фактическое состояние в войсках. Выполнение этого приказа было необходимо как для учета потерь в боевых действиях, так и для определения плана по воинской мобилизации населения. В нем обращалось внимание на «безобразное» ведение персонального и общего учета людских потерь [1, с. 8], т.е. уже с начала войны прослеживаются недоработки в учете потерь.

В качестве иллюстрации выполнения приказа №0296 рассмотрим «Приказ частям 50-й стрелковой дивизии» от 31 августа 1941 г. [6, л. 399]. В нем очень хорошо представлена структура постановки и проведения учета боевых потерь в войсковых частях армии. Так, из документа видно, что только после получения приказа №0296 в частях предпринимается попытка проведения полного учета личного состава по определенной форме. Затрагивается вопрос о высылке извещений на всех погибших в боях с немецким фашизмом за этот период. В именных списках потерь личного состава рекомендуется заполнять все имеющиеся графы, в том числе: где похоронен, домашний адрес, партийность. В этом же документе вводится понятие «пропал без вести». Пропавшие без вести включались в списки личных потерь по истечении 5 дней, а в графе «где похоронен» надлежало делать пометки, в каком районе, при каких обстоятельствах военнослужащий пропал без вести. Для улучшения качества работы помощников начальников штабов по учету личного состава приказывалось освобождать от излишних нагрузок и использования не по назначению.

В это время как никогда было необходимо улучшить ведение учета потерь, поэтому 7 октября 1941 г. за подписью народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина вышел приказ «О введении красноармейской книжки в войсковых частях и учреждениях в тылу и на фронте» [7, л. 274–277]. Он предписывал выдавать красноармейскую книжку с фотографической карточкой владельца и считать ее единственным документом, удостоверяющим личность красноармейца. В соответствии с наличием красноармейской книжки солдат ставился на получение довольствия (оружия, снаряжения и обмундирования). Помимо этого приказ предусматривал проведение проверок в тыловых частях ежедневно, в боевых – при первой

возможности, но не реже одного раза в три дня. Введение красноармейской книжки также предохраняло части Красной армии от проникновения враждебных элементов и обеспечивало упорядочение учета личного состава.

Все воинские части через каждые пять дней, а соединения – три раза в месяц должны были докладывать о потерях в войсках [8, с. 417]. Так, в соответствии с приказами №450 (1941 г.), №138 (от 24 июня 1941 г.), №023 (от 4 февраля 1944 г.) народного комиссара обороны СССР полки представляли донесения о потерях личного состава 6 раз в месяц: на 5, 10, 15, 20, 25, 31 или 30-е число каждого месяца. В эти же числа они представляли именные списки потерь личного состава с 1-го по 5-е, с 6-го по 10-е, с 11-го по 15-е, с 16-го по 20-е, с 21-го по 25-е, с 26-го по 31-е число в штаб дивизии. В свою очередь, дивизия представляла донесения 6 раз в месяц в штаб армии, а именные списки потерь личного состава – 3 раза в месяц: сержантов и рядовых – в Управление формирования Красной армии, т.е. в Генштаб, а офицеров – в Главное управление кадров (ГУК) [9]. В соответствии с этим были разработаны формы отчетных документов по потерям. В свою очередь, Генеральный штаб для доклада в Ставку Верховного главнокомандования готовил обобщенные данные по потерям за каждый месяц и год войны. Сведения о потерях пограничных и внутренних войск Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) представлял Комитет государственной безопасности.

В годы войны одновременно велись две статистики потерь: списочная и именная (персональная). Потери списочного личного состава – это оперативный учет по тем данным, которые выявлялись после боя. И только по донесениям о потерях личного состава и донесениям о боевом составе (если не было донесения о потерях личного состава) можно определить безвозвратные потери частей, а, следовательно, и в целом по действующей армии. Что касается попавших в плен, то командиры докладывали о них только тогда, когда было ясно, что человек попал именно в плен. В остальных случаях всех относили к без вести пропавшим. За всю войну по донесениям попало в плен только 36194 чел. [9]. Исследования по учету потерь, проведенных Г.Ф. Кривошеевым и его коллегами, на которые мы опираемся в своей работе, базируются на списочном учете потерь [5, с. 338–339]. Однако к 1942 г. еще не все военнослужащие получили красноармейские книжки и тысячи погибли безымянными.

В течение первых месяцев войны Государственный комитет обороны разрабатывал методики и создавал специальные органы учета личного состава армии. Значительно позднее в управлении армий и фронтов появились отделы, а в Наркомате обороны – соответствующее управление. В соответствии с приказом народного комиссара обороны №340 от 19 ноября 1941 г.

был создан отдел учета персональных потерь на фронтах Главного управления формирования и комплектования войск Красной армии, который 20 ноября 1941 г. был включен в состав Управления мобилизации и комплектования армии [7, л. 316]. Следовательно, с этого момента функционировал официальный орган учета безвозвратных потерь, регулирующий принятие мобилизационных планов и комплектование воинских формирований, проводя согласование их с учетом сведений о потерях, получаемых в сводках с фронтов.

Следующим шагом по упорядочению персонального учета потерь в ходе боевых действий в годы войны явился приказ народного комиссара обороны «О сформировании Центрального бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии» от 31 января 1942 г. [10, л. 196]. Тогда же впервые похоронным командам было предписано устанавливать на братских могилах памятные знаки с указанием фамилий, имен, отчеств, воинских званий, а также даты гибели солдат. Но боевые товарищи павшего часто не имели возможности выполнить свой последний долг, и люди, придававшие земле его прах, не могли опознать погибшего, установить его имя. Такая проблема не осталась без должного внимания. Подтверждением этому является директива начальника Главного управления политической пропаганды Красной армии о наведении порядка в погребении и учете погибших в боях военнослужащих, направленная в войска 16-й армии членом военного совета армии от 25 декабря 1941 г. «Направляю Вам для исполнения директиву т. Мехлиса о наведении порядка в погребении и учете погибших в боях военнослужащих. Факты, изложенные в директиве, нагляднейшим образом подтверждают неправильное и безразличное отношение командиров и комиссаров к своим прямым обязанностям – вовремя и с должными почестями похоронить павших в бою за Родину товарищей. Приказываю Вам навести порядок в этом деле, исключая всякую возможность повторения подобных фактов» [11, л. 29–31].

В директиве характеризуется реальное состояние дел на фронтах. Так, «на участке стрелковой дивизии 33 армии в течение 5 суток после боя не похоронены 14 трупов бойцов и командиров, павших в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Об этом было известно командованию, однако мер ими принято не было. Это свидетельствует о том, что многие командиры и комиссары недооценивают политического значения своевременного погребения павших в бою красноармейцев, командиров и политработников и не понимают, что оставление на поле боя трупов погибших товарищей является таким политическим резонансом, который отражается на политико-моральном состоянии бойцов и авторитете командиров и комиссаров. Отмечаются такие случаи, когда погибшие

бойцы не имеют при себе красноармейских книжек, а командиры и политработники – удостоверений личности, что затрудняет опознание погибших на поле боя. Погребение убитых в бою производится часто не в братских могилах, а в окопах, щелях, блиндажах. Индивидуальные и братские могилы не регистрируются, не отмечаются на картах и должным образом не оформляются. Отдельные комиссары соединений и частей не используют церемоний погребения погибших в бою военнослужащих для мобилизации красноармейских масс на решительную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками» [11, л. 29–31]. Приказ также предусматривал принятие ряда мер для борьбы с этими явлениями. За счет тылов были выделены отдельные команды, которые обеспечивали доставку тел солдат с поля боя и их захоронение в братских могилах. На могиле надлежало насыпать холм и сооружать пирамиду, а само погребение сопровождать установленными воинскими почестями. В приказе еще раз поднимался вопрос о немедленном введении в армейские соединения красноармейских книжек и наведение строжайшего порядка в погребении, учете погибших в боях военнослужащих.

Однако в последующие военные годы также были случаи нарушения погребения и учета погибших в боях военнослужащих. Так, во время оборонительного сражения на Курской дуге (июль 1943 г.) на участках боев 140-й, 161-й стрелковых дивизий и 3-й истребительной бригады было обнаружено 300 не преданных земле тел убитых. Из-за отсутствия на погибших каких-либо документов 247 чел. остались не опознанными. В этой же операции соединения Воронежского фронта, имевшие в строю к началу наступления немцев 25987 солдат, сержантов и офицеров, потеряли в течение пяти дней 9601 человека, из этого количества 2223 – убитые, 3509 – раненые и 3869 – без вести пропавшие.

Приказ №0239 от 21 июля 1943 г., отданный командующим войсками Воронежского фронта, гласил: «Установлено, что в ряде соединений отсутствует должная забота о погребении тел бойцов и командиров, павших смертью храбрых в боях с врагом... Приказываю: военным советам армии обеспечить немедленное погребение в братских могилах всех оставшихся на территории действий армий погибших в боях бойцов и командиров Красной армии» [12, с. 168].

Одним из примеров ведения захоронения солдат после боя могут послужить воспоминания ветерана 2-й Ударной армии 285-го гвардейского отдельного батальона связи Е.М. Бахмутова: «Обычно погибших хоронили после боя. От каждого полка каждый вечер выделялась трофейно-похоронная команда из 10 человек – старшина и 9 солдат. Они хоронили убитых обычно на том же месте, где человек погибал. Но дело в том, что, уходя в бой, солдаты оставляли все лич-

ные вещи и документы либо в окопах, либо в обозе, их следом вез старшина. Он и собирал все вещи по окопам. Когда человек погибал на поле боя, трудно было его опознать: при нем обычно было только его оружие и кисет. Красноармейская книжка, завернутая в тряпочку, обычно лежала в вещмешке, карманов у гимнастеров у рядового и сержантского состава по форме на 1 февраля 1943 г. просто не было, карманы были только у офицеров. Таким образом, если человек после боя оставался жив, то его вещи потом старшина привозил, а вещи тех, кто погибал, делили. Обычно солдат в атаку брал каску, автомат или винтовку и лопатку – вот и все, да еще патроны в сумке. Все документы оставались в мешке или в шинели. Значит, погибшего в бою было не по чему опознать. Те, кто хоронил, не знали, кого они хоронят, и писали: «Младший сержант, неизвестный, похоронен 1,5 км севернее развилки дорог». Даже в 1945 году в Польше на одного именованного приходилось 10 безымянных» [13, с. 53]. Проводя учет каждый вечер, старшины всех рот делали донесения в штаб батальона о потерях. В книгу безвозвратных потерь заносились фамилия, имя, отчество, воинское звание, место и год рождения, довоенный адрес и дата гибели бойца. Эти сведения должны были переносить на могилы, что не всегда выполнялось. Если что-то и записывалось на надгробьях, то со временем дождь смывал наскоро сделанные надписи. Отсюда и большое число безымянных могил и безвестных солдат. Ветеран войны Е.М. Бахмутов свидетельствует: «Около Лодзи, в 6 км от города в братской могиле захоронено 400 человек, из них известен только один. Город освобождали 14, 15, 16-й конные корпуса, и из 400 человек упомянут на могиле только 1 гвардии капитан» [13, с. 54].

В Калужской области, в местах тяжелых боев, погибли 243518 бойцов и командиров. Известны имена 100202 чел., а увековечено на могилах 73687 [14].

В Белоруссии из более чем миллиона погребенных только 200 тысяч, или каждый пятый, названы на мемориальных плитах. Такое положение дел можно проследить по всем республикам и областям России, где шли боевые действия. Даже в Германии, где похоронены более 100 тысяч советских солдат и офицеров, погибших в конце войны, на надгробьях вместо фамилий и имен встречается безликое «Unbekant» – «Неизвестный» [13, с. 40].

Серьезная проблема, с которой столкнулись родственники военнослужащих, это неполучение или получение с большим опозданием извещений о гибели своих родных. Так, 420-й артполк АРГК извещение о гибели лейтенанта П. З. Жавнировича выслал семье только через 6 месяцев, а 150-я танковая бригада о погибшем 24 июля 1941 г. майоре И.Я. Исаковиче выслала извещение семье 19 апреля 1942 г. – спустя 9 месяцев [1, с. 271].

Эту проблему должен был решить приказ народного комиссара обороны «Об изменении порядка высылки извещений семьям о гибели или пропаже без вести лиц среднего, старшего и высшего начсостава и сверхсрочнослужащих» №10 от 14 января 1942 г. [1, с. 205]. Он предусматривал отправление извещения о гибели военнослужащего непосредственно на адрес семьи. В случае неточности адреса или его отсутствии извещение через Главное управление кадров НКО надлежало направлять в райвоенкомат, откуда призывался военнослужащий. В этом же году выходят еще 2 приказа Народного комиссара обороны – №0270 от 12 апреля 1942 г. и №214 от 14 июля 1942 г., которые устанавливали сроки и порядок персонального учета безвозвратных потерь, способ сбора данных о погибших на фронтах, а также извещения родственников погибших [1, с. 202, 281].

Несомненно, война – это многогранное, многообразное явление. Она требует всестороннего изучения, особенно если это касается судеб миллионов людей. В ходе исследования была рассмотрена проблема постановки вопроса персонального учета погибших на поле боя и выявлены основные приказы и документы по учету боевых потерь на советском фронте в годы войны. Проведенный анализ показал, что неудовлетворительное отношение к постановке данной проблемы в начальный период войны решался не сразу, а постепенно. Так, в первые месяцы войны Государственным комитетом обороны СССР были разработаны методики и созданы специальные органы учета личного состава армии, затем отдел учета персональных потерь на фронтах Главного управления формирования и комплектования войск Красной армии, включенный впоследствии в состав Управления мобилизации и комплектования армии. Однако процесс принятия этих решений, затянувшийся на месяцы, тысячи бойцов и командиров оставил на полях сражений как неизвестных солдат.

Библиографический список

1. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. – М., 1997. Т. 13.
2. Военно-исторический журнал. – 1992. – №9.
3. Великая Отечественная война в документах и свидетельствах современников / под ред. В. П. Пахомова. – Самара, 2000.
4. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993.
5. Российский государственный военный архив (РГВА, Подольск). – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 65.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). – Ф. 353. – Оп. 5864. – Д. 1.

7. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 12. – Д. 99.
8. Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Люди. События. Факты : справочник / под ред. О.А. Ржешевского. 2-е изд., доп. – М., 2000.
9. Кривошеев Г.Ф. Некоторые новые данные анализа сил и потерь на советско-германском фронте : доклад на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны // Мир истории. – 1999. – №1.
10. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 12. – Д. 103.
11. ЦАМО РФ. – Ф. 358. – Оп. 5914. – Д. 1.
12. Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945: Обзорный том / Е.М. Чехарин, В.В. Володин и др. – М., 1995.
13. Иванов А.А. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2001.
14. Эхо войны. – 1997. – 15 мая.